

МАРИ АНАТОЛЬ

ШЁПОТ НЕАПОЛЯ

*Некоторые тайны можно открыть
лишь шёпотом... а лучше молчать.*

18+

Мари Анатолий
Шёпот Неаполя
Серия «Издательский
детектив», книга 4

<https://litres.ru/74022279>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хэлен Хоуп, вдова и владелица издательства из Сан-Франциско, получает загадочное письмо от старого друга семьи: её муж, издатель Генри Хоуп, десять лет назад вовсе не умер в Неаполе от редкой болезни — он был убит.

Потрясённая Хэлен отправляется в Италию, где узнаёт, что автор письма уже скончался. На семейной вилле она знакомится с его сыном, молодым журналистом Алессандро, и вместе они начинают распутывать тщательно скрытую правду.

Расследование приведёт их к событиям 30-летней давности и к загадочной рукописи, способной уничтожить один из самых влиятельных кланов Неаполя. Именно из-за неё погиб Генри.

Правда окажется куда сложнее и трагичнее. За неё Хэлен придётся заплатить молчанием. Потому что в Неаполе некоторые тайны можно рассказать лишь шёпотом, а ещё лучше и вовсе молчать.

Действие романа происходит в трёх временных плоскостях, он является приквелом к Мистери-сериалу «Хэлен Хоуп дарит надежду».

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	24

Мари Анатоль

Шёпот Неаполя

Пролог

Было около четырёх часов пополудни, когда Генри Хоуп вышел из таверны на пьяцца Сан Гаэтано и нетвердой походкой направился в сторону переулка Чинквесанти. Погода в Неаполе тем серым февральским днём оставляла желать лучшего – небо хмурилось тёмными тучами, грозящими прорваться не то ледяным дождём, не то мокрым снегом. Порывистый ветер с моря рвал полы слишком легкого, не по погоде, плаща, запахнуть который у Генри не было сил. Шарф он, похоже, забыл в таверне...

Он уже не помнил, сколько времени пробыл там, в ожидании Миллера, телефон которого настойчиво отзывался автоответчиком. Куда же ты пропал, друг, почему не отвечаешь? Вдруг Генри почувствовал, что ему нужно срочно выйти на воздух. С ним было что-то не то, сильно мутило.

Однако, ледяной морской ветер не помогал. Шатаясь словно пьяный, Генри с трудом пересёк площадь, почти пустую в такую непогоду. Редкие прохожие, подняв воротники, спешили укрыться от порывов ветра и первых тяжёлых капель дождя. Им не было дела до странного, вероятно, пе-

ребравшего, иностранца, вывалившегося из таверны.

В переулке Генри упёрся обеими руками в холодную обшарпанную стену. Его вырвало прямо на мостовую, но облегчения это не принесло. Никогда ещё он не чувствовал такой слабости в ногах. В глазах темнело, всё тело покрывал липкий пот.

«Что со мной, Господи? – подумал Генри. – Я чем-то отравился или заболел?» Он сделал усилие и, оттолкнувшись от стены, вновь зашагал вперёд. Ему стало казаться, что переулок сужается, постепенно превращаясь в тёмный непроходимый тоннель, и Генри боялся упасть, наткнувшись на стену. Вскоре ему вновь пришлось остановиться, чтобы перевести дух. Силы покидали его. Хотелось опуститься, даже лечь – прямо на грязную булыжную мостовую, просто лечь и закрыть глаза. Трясущейся рукой он отёр с лица холодный пот. Нельзя. Нужно добраться до отеля, нужно сообщить Миллеру.

Сейчас он пойдёт дальше. Лишь на секунду прикроет глаза, немного отдохнёт и тут же двинется вперёд. Перед внутренним взором неожиданно возникло лицо Хэлен, такое родное, в обрамлении светлых волос, ещё длинных, как в юности, много лет назад. Хэлен улыбалась и что-то говорила ему, но он не мог разобрать слов. А потом он увидел Эмили, совсем маленькую, и Хэлен держала её на руках, приглаживая светлые непослушные вихры на круглой головке дочери. Эмили обернулась, посмотрела прямо на него огром-

ными зелёными глазами, так похожими на глаза матери, и неожиданно заплакала, закричала – громко и пронзительно.

Генри очнулся от забытья. Где-то наверху, в доме, по стене которого он сполз на тротуар, надрывно плакал ребёнок – этот плач вырвался из приоткрытого окна и теперь разносился ветром по переулку. Этот плач пытался его спасти...

Во внутреннем кармане плаща, рядом с той самой тетрадью, которую передал ему Джон, Генри нащупал телефон, но перед глазами всё плыло, он не различал ни букв, ни цифр. Импульс, просто глупый импульс. Он так хотел услышать сейчас её голос. Но чем Хэлен сможет ему помочь? Звонить жене и дочери не имело смысла – в Калифорнии глубокая ночь, он лишь напугает их своим звонком.

Генри поднял голову к полоске серого неба над крышами. Там, в просвете между домами беззвучно парил над городом обелиск святого Януария, покровителя Неаполя, его статуя равнодушно смотрела вниз каменными глазницами. Оттуда сверху уже падали на лицо крупные ледяные капли, но Генри их не чувствовал.

Небольшая площадь с обелиском находилась совсем рядом с его отелем. Нужно встать и идти, осталось совсем немного – сейчас он доберётся и вызовет скорую. Он сможет... Сдирая пальцами облупившуюся краску со стены здания, Генри поднялся на ноги.

Шаг, другой, третий. На улице не было ни души, лишь ветер перекачивал мусор. Почти стемнело, и тусклые фонари

освещали грязную мостовую, по которой время от времени проплывали мимо безразличные автомобили.

Вот и вход в отель – там горит свет, там есть люди, ему помогут. Нужно только подняться по ступенькам. Но ноги его больше не слушались. Звуки затихали, огни уплывали. Последним усилием Генри нажал повтор номера на телефоне. «Джон, дружище... – едва слышно прошептал он автоответчику. – Прошу тебя, приезжай...»

И потерял сознание.

Глава 1

Сан-Франциско, 10 лет спустя.

В то обычное майское утро Хэлен спешила на работу и немного опаздывала. Впрочем, она опаздывала почти каждое утро – с тех пор, как взяла на себя руководство издательством «Миллер, Хоуп и партнёры». Засиживалась по вечерам над рукописями, засыпала в обнимку с ноутбуком – никогда ничего не успевала. А раньше? Раньше с ней был Генри.

Небольшой дом на берегу озера Мерсед она выбрала восемь лет назад, когда поняла, что не может больше жить в их прежней просторной квартире на Ховард-стрит — слишком много там было Генри. Она ощущала его присутствие в каждой комнате, в каждой случайной мелочи, которая попадалась на глаза. Но его самого больше не было рядом. Хэлен долго не могла примириться с этой пустотой...

Здесь же, у воды, всё казалось немного чужим, и поначалу это помогало отвлечься от ранящих воспоминаний. Потом Хэлен привыкла и полюбила это место. Озеро по утрам казалось неподвижным, почти белым в густом тумане, но ей это даже нравилось. Иногда она останавливалась у кухонного окна с чашкой кофе и просто смотрела в туман, забывая о времени. «Мам, я побежала разгонять твой туман!» – часто шутила Эмили перед утренней пробежкой у озера.

С тех пор как Эмили уехала учиться в университет Санта-Барбары, тишины стало заметно больше. Хэлен старалась этого не замечать. Она встречала будни в привычном ритме: ранний подъём и завтрак, потом долгая дорога через весь город в издательство. По дороге она обычно звонила дочери, чтобы разбудить и обсудить планы на день. Это стало их ритуалом в последнее время – Эмили осваивала новую студенческую жизнь вдали от дома. А Хэлен ждало её издательство – рукописи, переговоры, редакторы, авторы. Там было шумно и хлопотно. Там она была нужна и точно знала, что делать.

Хэлен наспех позавтракала, смахнула в сумку недочитанную рукопись, сунула ноутбук. Взяла ключи от машины и уже надевала плащ, когда в дверь позвонил почтальон.

Письмо выглядело самым обыкновенным. Белый прямоугольный конверт с итальянской маркой, аккуратно выведенный от руки адрес. Обратный адрес в Неаполе. Имя отправителя: *Джон Миллер*. Обычно Хэлен получала такие письма на Рождество, Пасху и день рождения. Внутри всегда была красивая поздравительная открытка с видами Италии, подписанная ровным почерком Федерики – жены Джона.

Хэлен не сразу вскрыла конверт. Сунула в сумку, заперла дверь и поехала на работу.

Всю дорогу она думала о Джоне. Перед глазами встал его кабинет на последнем этаже издательства, заваленный рукописями почти до потолка, и сам Джон Миллер в любимом кожаном кресле — грузный, неспешный, с вечной трубкой

в руке. Хэлен пришла к нему на собеседование, когда ей едва исполнилось двадцать два, только что с университетской скамьи, и ужасно робела. Он же заговорил с ней так, будто они были знакомы сто лет, и уже через полчаса Хэлен поняла, что непременно получит работу ассистента редактора. Так оно и вышло. «Миллер, Хоуп и партнёры» — издательство, которое Джон когда-то основал вместе с молодым Генри Хоупом, стало для неё вторым домом. Там она научилась всему, что умеет.

Там же, на редакционных летучках, куда сам Генри обычно врывается с кипой бумаг, полный азарта и новых идей, она незаметно для себя в него влюбилась. Джон тогда только посмеивался — он, кажется, всё понял раньше их обоих.

Потом Джон постарел и отошёл от дел. Уехал с Федерикой и сыном в Италию, на её историческую родину. Последний раз Хэлен слышала его голос десять лет назад, по телефону: сухо, но бережно он объяснял ей, как будет переправлено из Неаполя тело Генри. После этого он больше не звонил, и она тоже. Связь не оборвалась, просто от неё остались лишь открытки по праздникам. Однако сейчас никакого праздника не было.

Весь день конверт пролежал на краю её рабочего стола. Хэлен косилась на него и всякий раз находила повод отложить. Глупо, конечно. Просто письмо от старого знакомого.

Уже в конце дня, когда сотрудники разошлись и в офисе стало совсем тихо, она, наконец, взяла конверт в руки и

вскрыла.

«Дорогая Хэлен!

Пожалуйста, прости меня, если сможешь! Очень прошу тебя, приезжай в Неаполь! Мне нужно открыть тебе тайну смерти Генри. Потому что на самом деле он не умер от редкой болезни. Его убили! Из-за меня, моей глупости и неосторожности.

Надеюсь только ты всё поймёшь!

Искренне твой,

Джон Миллер.»

За окном загорались огни и гудел вечерний Сан-Франциско. Хэлен неподвижно сидела в темноте, забыв включить свет и держа письмо в руках, и смотрела в одну точку. Рана, которую она столько лет старательно зализывала, вдруг открылась, резко и внезапно, как это часто бывает с ранами, неспособными зажить никогда.

Домой она добралась уже в темноте. Поставила машину в гараж, вошла в дом, включила свет на кухне. И остановилась посреди комнаты, не зная, что делать дальше. За окном виднелось озеро – чёрное и неподвижное, в ясную погоду огни противоположного берега отражались в воде тонкими дрожащими нитями. Обычно это успокаивало, но не сейчас.

Она налила себе вина, сделала несколько глотков, совсем не почувствовав вкуса. Потом долго сидела в кресле с письмом в руках, перечитывала. *Его убили.* Два слова, написан-

ные нетвёрдым старческим почерком. Она смотрела на них до тех пор, пока слова не перестали передавать смысл.

Спать легла далеко за полночь. И ещё долго лежала с открытыми глазами, слушая, как ветер треплет листву за окном.

Генри улетел в Рим к концу февраля. Обычная деловая поездка — переговоры с одним из европейских партнёров, ничего особенного. На обратном пути он собирался заехать в Неаполь, чтобы провести Миллера. Эмили тогда было восемь, и Хэлен уже планировала, как проведёт время вдвоём с дочерью, пока Генри будет в отъезде. Они вместе отвезли его в аэропорт, поцеловали на прощание сразу в обе щеки, и вернулись домой — есть мороженое и смотреть мультики. Тогда они и подумать не могли, что видят папу в последний раз.

Из Рима Генри звонил часто — весёлый, довольный, рассказывал, что нашёл какую-то невероятную пасту в небольшом ресторанчике за Пантеоном. Потом сообщил, что благополучно добрался до Неаполя и поселился в гостиницу. На следующий день он планировал встретиться с Миллером. И замолчал.

Она не слишком беспокоилась. Генри мог забыть позвонить, когда увлекался беседой с другом, они любили часами сидеть за бутылкой вина и спорить о книгах. Через день Хэлен заволновалась и стала звонить — раз, другой, третий. Телефон мужа не отвечал. Она написала Миллеру — тишина.

На следующий день Джон позвонил сам. Говорил медленно, тщательно подбирая слова. Генри стало плохо накануне вечером, из отеля его увезла скорая. Джон сам узнал уже ночью: весь день ездил по делам, а телефон, как назло, забыл дома. К тому времени, когда Джон добрался до больницы, Генри уже не стало. Редкое заболевание крови, сказали врачи. Они сделали всё возможное...

Хэлен тогда не заплакала. Просто сидела на полу в кабинете, не помня, как там оказалась, и держала затихший телефон обеими руками, словно боясь его уронить. Яркое калифорнийское солнце било в распахнутое настежь окно, ветер трепал занавески. Эмили играла в соседней комнате, что-то напевая себе под нос.

Миллер взял на себя все формальности. Объяснял, что нужно делать, куда звонить. Спрашивал, есть ли кто-то рядом. Она отвечала коротко, механически: «Спасибо, Джон. Да, Джон. Я справлюсь».

Она справилась. Похоронила Генри, не бросила издательство, одна воспитала Эмили. Диагноз неаполитанских врачей не вызвал у неё никаких вопросов, она была слишком раздавлена, чтобы их задавать. У Генри не было хронических заболеваний. Но разве редкая болезнь не потому и называется редкой, что проявляется внезапно, без предупреждения? Она убедила себя в этом. Почти убедила.

Его убили.

Кому и зачем в Неаполе нужно было убивать издателя из

Сан-Франциско?

Хэлен повернулась на бок и закрыла глаза. За окном шумел ветер. Озеро молчало.

Глава 2

Неаполь, наши дни.

Неаполь встретил её палящим солнцем, автомобильными пробками и пыльными мостовыми. Хэлен любила Италию, но в этом городе была впервые. Хорошо, что сообразила не брать машину в аэропорту – водить в таком дорожном хаосе она точно бы не смогла. На такси надёжнее.

Только приземлившись, Хэлен настойчиво продолжила набирать номер Джона Миллера, который отыскиала в старой записной книжке. Но тот по-прежнему не отвечал. Оставалось лишь ехать по адресу на конверте.

Дом номер семь по виа Палицци – извилистой улице, спускающейся по склону холма в престижном районе Вомеро – оказался отдельной двухэтажной виллой в стиле либерти, выкрашенной в свежие лимонно-белые тона, за увитой плющом невысокой оградой. Отсюда открывался бесподобный панорамный вид на весь Неаполитанский залив, город и Везувий вдали. Очень похоже на Джона, он всегда любил красивые виды.

Калитка была не заперта. Хэлен толкнула её, прошла по дорожке из рыжей плитки мимо благоухающего белого олеандра и позвонила в дверь. Тишина. Хэлен позвонила снова.

За дверью послышались шаги, лёгкие, неспешные. Потом пауза, словно кто-то смотрел в глазок раздумывая. Затем

дверь открылась.

Женщина была невысокой, стройной, лет пятидесяти, с вьющимися тёмными волосами, лишь слегка тронутыми сединой над загорелым высоким лбом, и почти чёрными глазами — живыми, очень внимательными. Она смотрела на гостью молча, слегка наклонив голову набок, как смотрят на что-то отдалённо знакомое, что никак не удаётся вспомнить.

— *Buongiorno*¹, — произнесла Хэлен по-итальянски. — Федерика? Простите, что без предупреждения. Я звонила Джону, но он не отвечает. Я — Хэлен... Хэлен Хоуп.

— Хэлен? — Женщина подалась вперёд, вглядываясь в лицо гостье, и тёмные глаза её потеплели. — *Dio mio!*² Хэлен Хоуп — жена Генри?

— Да, — ответила Хэлен, слегка запнувшись, — вдова Генри.

Федерика провела её в просторную гостиную, усадила в кресло у высокой распахнутой двери, ведущей на изящный балкончик с витой чугунной решёткой, и ушла за кофе, даже не спросив, хочет ли его гостья.

Хэлен огляделась. В комнате было светло и красиво, там царил тот особенный порядок, который устанавливается сам собой, когда в доме давно ничего не переставляют. В высоких шкафах тёмного дерева за стеклом теснились книги — итальянские, английские, несколько немецких. На столе под

¹ Добрый день (итал.)

² Мой бог! (итал.)

лампой лежали очки и газета.

Большая свадебная фотография в изысканной старинной раме висела над камином: Федерика совсем юная, в воздушном белом платье, беззаботно смеётся, Джон — заметно старше её, солидный мужчина в светло-сером костюме-тройке, смотрит на жену с выражением человека, которому больше ничего не нужно в жизни.

Хэлен подумала, что лучше не говорить Федерике сразу о настоящей причине этого визита. Спешить не стоило.

Федерика вернулась с маленьким серебряным подносом, поставила крошечные фарфоровые чашки на стол между ними. Кофе был крепким, густым и насыщенным — такой умеют делать лишь в Италии.

— Вы давно в Неаполе? — спросила Федерика.

— Я проездом, только с самолёта, — Хэлен слегка улыбнулась, пытаясь скрыть неловкость. — Подумала: раз уж я здесь, то нужно навестить Джона, давно не виделись. Но его телефон не отвечает... Надеюсь, с ним всё в порядке?

Федерика поставила чашку на блюдце. Очень осторожно и медленно, словно опасаясь её выронить.

— Джон умер, — произнесла она. — Неделю назад.

За окном шумели пинии. Где-то далеко внизу гудела машина. Хэлен в растерянности смотрела на женщину напротив, не зная, что сказать. В конце концов тихо произнесла:

— Мне очень жаль, Федерика.

Та коротко кивнула, как человек, уже привыкший к собо-

лезнованиям за последние дни.

— Он долго болел, несколько лет. В последнее время почти не вставал, — сказала она ровно. — Деменция, тяжёлая форма. К концу уже не узнавал меня.

— Я не знала, — тихо произнесла Хэлен. — Простите.

— Вы не могли знать. Мы... — Федерика взяла чашку, подержала в руках и снова поставила. — Мы давно не рассказывали никому ничего личного. Так лучше.

Она слегка усмехнулась — горько, устало. Хэлен смотрела на тёмную поверхность кофе в своей чашке. Она пыталась осознать услышанное, но из-за усталости и переживаний последних дней мысли путались.

Тяжёлая деменция несколько лет.

Может, письмо написал кто-то другой? Но кто мог знать адрес Хэлен, подробности гибели Генри и главное — хотеть, чтобы она приехала в Неаполь?

Она не знала, что сказать, и не решалась даже коснуться на сумку, в которой лежал злополучный конверт.

Вдруг входная дверь хлопнула.

Федерика чуть выпрямилась. Из коридора послышались быстрые, уверенные шаги, и в гостиную вошёл молодой мужчина. Хэлен дала бы ему лет тридцать, не больше. Высокий, темноволосый, в светлой рубашке с закатанными рукавами. Он уже открыл рот, явно собираясь что-то сказать матери, но увидел Хэлен и запнулся.

Чёрные выразительные глаза — такие же, как у Федерики,

— скользнули по гостье быстро и настороженно.

— *Mamma*, — сказал он по-итальянски, — кто это?

— Говори по-английски, — спокойно ответила Федерика.

— Это Хэлен Хоуп. Жена Генри Хоупа, ты должен его помнить.

И, обернувшись к Хэлен, пояснила:

— Это мой сын Алессандро.

— Хэлен, — Она встала и протянула руку, отметив про себя неожиданную привлекательность сына Миллера: широкие плечи под лёгким сукном рубахи, крепкие, загорелые руки, мужественный профиль. — Рада познакомиться.

Алессандро пожал ей руку, коротко, чуть механически, при этом взгляд его не потеплел.

— Вы из Сан-Франциско?

— Да, я...

— Надолго?

— Пока не знаю...

Он снова посмотрел на мать, с вопросом, который не стал произносить вслух. Федерика сделала вид, что не заметила. Вместо этого она повернулась к Хэлен, на её лице было выражение мягкой непреклонности, с которой она, должно быть, когда-то укладывала сына спать.

— Алессандро работает в *La Repubblica*, — сказала она с не требующей перевода интонацией. — Уже второй год. Лучший молодой журналист в редакции, так считает его шеф, — она бросила на сына короткий взгляд, в котором сочета-

лись гордость и лёгкое предупреждение. — Так что грубить гостям у него нет ни времени, ни причин.

Алессандро не ответил. Лишь чуть заметно поджал губы.

— *La Repubblica* — серьёзная газета, — вежливо подметила Хэлен, чувствуя нарастающее напряжение.

— Да, — сухо согласился он. — Серьёзная.

Повисла неловкая пауза. Хэлен потянулась за сумкой.

— Федерика, спасибо вам за кофе. Мне пора. Нужно найти отель, привести себя в порядок с дороги, — она улыбнулась, коротко, как можно естественней, пытаюсь проглотить ком в горле. — Я рада, что застала вас дома. И ещё раз примите мои соболезнования.

— Никакого отеля, — неожиданно твёрдо заявила Федерика. — Оставайтесь.

— Право, не стоит. Вы и без того...

— Хэлен, — Федерика произнесла её имя так, как произносят имена людей, которых давно знают, хотя виделись они всего пару раз в жизни. — У нас есть гостевая комната. Вы устали после перелёта. Оставайтесь.

Хэлен взглянула на Алессандро. Тот стоял, прислонившись плечом к балконному проёму, и смотрел куда-то вдаль, всем видом давая понять, что раз его мнения не спрашивали, то он его оставит при себе. Но именно этот взгляд, намеренно отведённый в сторону, заставил Хэлен задержаться.

Конечно, ей нужно было уйти. Найти тихий отель подальше от этой виллы, вытянуть на кровати затёкшие ноги и,

наконец, спокойно обдумать всё происходящее. Письмо об убийстве Генри, болезнь и смерть Миллера, неожиданную неприязнь его сына... Ей нужно было побыть одной и просто подумать.

Но сил совсем не осталось.

— Спасибо, Федерика, — наконец сдалась Хэлен. — Если это действительно не затруднит.

Федерика уже шла к лестнице на второй этаж.

Гостевая комната оказалась уютной и светлой, с окном на залив. На горизонте, в золотом предзакатном свете, небольшим тёмным холмом парил над морем Везувий.

— Ванная — вторая дверь направо. Полотенца в шкафу, — Федерика на секунду задержалась на пороге. — Ужинаем мы в восемь.

— Благодарю вас, наверное, я лягу прямо сейчас. Джетлаг, просто падаю с ног...

— Конечно, Хэлен, отдыхайте.

Дверь закрылась.

Хэлен поставила сумку на кровать, распахнула окно и жадно втянула пряный южный воздух. Внизу в саду ветер шевелил ветви белого олеандра.

Деменция. Несколько лет Миллер не мог ни писать, ни говорить.

Она достала конверт и ещё раз посмотрела на почерк. Это точно был почерк Джона — она знала его слишком хорошо, чтобы ошибиться. Те же округлые буквы, тот же наклон

вправо. Только чуть более неровный, более сбивчивый, чем прежде. Но его, несомненно, его. Как такое возможно?..

В доме было тихо. Потом, где-то внизу звякнула посуда.

Глава 3

Помпеи, 30 лет назад.

Луна стояла высоко, заливая древние камни холодным бледным светом, и руины в этом свете казались не мёртвыми, а просто спящими, как будто город лишь на время закрыл глаза и в любой момент мог проснуться. Тени от колонн лежали на земле длинными чёрными полосами. Пахло нагретым на солнце камнем, сухой травой и чем-то пряным — должно быть, где-то поблизости рос мирт. В траве надрылись цикады.

Она пришла первой, как всегда.

Когда он появился из темноты, она не успела ничего сказать. Он сразу взял её лицо в ладони и поцеловал, долго, без предисловий, как целуют, когда знают, что времени мало. Его ладони были тёплыми и чуть шершавыми, и она прижалась к ним щеками. Обхватила его руками, притянула ближе, и платье соскользнуло с её стройного тела на камни. Всё остальное тоже ушло — осторожность, тревога, внутренний голос, который шептал, что нельзя, что опасно, что сторож обходит руины каждые два часа.

Сейчас ей не было дела ни до сторожа, ни до отца, ни до всего остального мира за пределами этих древних стен. Камень под спиной был тёплым, он хранил дневной жар, отдавал его медленно, как будто не хотел отпускать. Она смотре-

ла в лицо любимого, совсем близко, в его тёмные глаза, отражающие звёздное небо, и думала, что тоже не желает его отпускать от себя. Она знала каждую чётточку на его лице: эту складку у губ, эту едва заметную ямочку на подбородке, родинку над левой бровью. Знала и всё равно каждый раз не могла наглядеться.

Он целовал её шею, плечи, ключицы, и она закрывала глаза и слышала только его дыхание и далёкий шум моря, и ночной воздух был настолько тёплым и мягким, что казался почти осязаемым. Его руки обнимали её так, будто боялись, что она вдруг исчезнет. Он тихо шептал её имя, чтобы могла слышать только она, и от этого перехватывало дыхание.

Потом они лежали рядом не двигаясь. Пахло горячим камнем и травами, и его кожей — чуть солёной, тёплой. Сквозь стрекот цикад она слышала далёкий шум редкой машины, где-то там, за стенами древнего города. Медленно, запоминая, она провела пальцем по его руке, по внутренней стороне запястья, где кожа была тоньше и заметно светлее.

Она вспомнила, как впервые увидела его. Ей было восемь, а ему девять — отцы привели их на какой-то семейный ужин и торжественно объявили, что однажды их дети поженятся и семьи породнятся. Взрослые смеялись, звенели бокалами, а она смотрела на высокого темноглазого мальчишку и не знала, что сказать. Он тоже молчал. Потом вдруг предложил: *пойдём посмотрим сад!* Они убежали из-за стола и с тех пор были неразлучны. Всё детство, всю юность. Им и не нужно

было никаких объявлений, они просто знали, что созданы друг для друга.

Даже когда не стало мамы – тяжёлая болезнь унесла её, когда дочери было всего двенадцать – даже тогда она знала: у неё есть он, и он был её миром.

А потом что-то случилось. Она так и не поняла, что именно. Взрослые говорили об этом вполголоса, обрывали разговор, едва завидев её. Какая-то сделка, какое-то предательство, большие деньги и задетая честь, и за всем этим что-то ещё, тёмное и страшное, о чём вовсе не говорили вслух.

Сначала их отцы перестали видеться и даже здороваться. Потом появились люди, которых прежде не было, молчаливые, с тяжёлыми взглядами исподлобья. Потом отец позвал её к себе и сказал, что помолвка расторгнута. Что она должна забыть его навсегда. Что так надо ради семьи. Но она не могла, не хотела.

— Я сказал отцу про нас, — произнёс он наконец.

Она замерла.

— Я не мог больше молчать, — в его голосе была удивительная твёрдость, будто решение уже принято и назад дороги нет. — Он должен знать, что мы всё равно поженимся.

— И что он ответил?

Пауза.

— Что убьёт меня, если я к тебе подойду.

Она резко приподнялась, глядя на него в упор. Но он смотрел в чёрное, бездонное небо. И звёзды отражались в

его глазах.

— Это не просто слова, — прошептала она. — Ты понимаешь? Так говорит и мой отец.

— Знаю.

— Нет! — она схватила его за руку. — Ты не знаешь! Ты не видел, каким он был на прошлой неделе, когда тоже узнал про нас. Кто-то ему донёс, не знаю кто, — её голос сорвался. — Но он не кричал. Он вообще не повысил голоса. Это хуже всего, когда отец так молчит.

Наконец, он повернулся к ней. В лунном свете лицо его казалось бледным, почти незнакомым.

— Тогда уедем, — решительно сказал он. — Немедленно, сейчас, пока ничего не случилось.

— Куда?

— За океан, в Америку, — он говорил быстро, вполголоса, почти горячо, и она чувствовала пальцами напряжение его мускулов. — Там никто не знает ни твоей семьи, ни моей. Там мы никому ничего не должны. Начнём с нуля, вдвоём, вместе. Там у нас будет шанс. Здесь — нет.

— Ты говоришь так, будто это просто! — она не смогла удержать слёз, они потекли сами, щёки стали мокрыми. — Бросить всё? Этот город, мой дом, это море? Всё, что я так люблю?

— Что ты боишься бросить? Отца, который тебя не слышит? — он заглянул ей в лицо. — Ты думаешь, он выберет тебя? Он выберет свою вражду, свои счёты — всё что угод-

но, только не тебя. Ты же сама это знаешь.

— Замолчи, пожалуйста...

Он замолчал. Цикады продолжали монотонно надрывать-ся, как будто ничего не происходило. Ветер снова принёс пряный аромат мирта.

— Дай мне время, — прошептала она наконец. — Я что-нибудь придумаю. Поговорю с отцом, найду способ. Только подожди немного. Не делай ничего — слышишь?

Он долго смотрел на неё. Потом молча притянул к себе, прижал крепко, зарылся лицом в её волосы. Она почувствовала на виске его горячее дыхание.

— Хорошо, — прошептал он тихо. — Я буду ждать.

Она обняла его в ответ и закрыла глаза. Его сердце билось быстро, она чувствовала это биение своей кожей. Она думала: «Мы знаем друг друга всю жизнь, нас невозможно разлучить!»

Когда она, наконец, открыла глаза, то невольно взглянула на горизонт — туда, где тёмной громадой обычно вставал Везувий. Теперь он почти растворился в ночи и угадывался лишь по тому, как его силуэт заслонял звёзды. В этом было что-то зловещее: невидимая глыба, поглотившая звёзды и затаившаяся над городом. Над ними.

Содрогнувшись, она поспешно отвела взгляд.

— Мне пора, — прошептала она.

Он отпустил её не сразу.

Уходила она быстро, не оглядываясь. Камни древнего го-

рода белели в лунном свете — безмолвные, пережившие многое и многих. Пахло травой и морем, и чуть-чуть его кожей, которая всё ещё была у неё на руках, на плечах и губах. Он очень долго смотрел ей вслед.